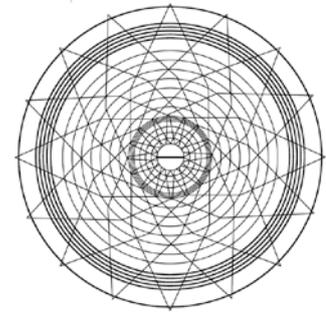


## [Научные Статьи]

Пули Дж. Д.

*Уилбур Шрамм и история «Четырех Отцов-Основателей»  
научного поля исследований коммуникаций  
в Соединенных Штатах Америки*



# УИЛБУР ШРАММ И ИСТОРИЯ «ЧЕТЫРЕХ ОТЦОВ-ОСНОВАТЕЛЕЙ» НАУЧНОГО ПОЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ КОММУНИКАЦИЙ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

**Пули Дж. Д.**

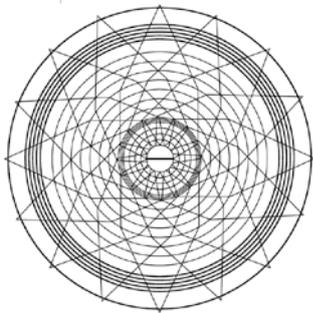
Ph.D., приглашенный профессор, департамент медиа и коммуникаций, Мюленберг Колледж (Аллентаун, США)  
[jeffersonpooley@muhlenberg.edu](mailto:jeffersonpooley@muhlenberg.edu)

### **Аннотация:**

В послевоенной "юности" нового научного поля - науки о коммуникациях - оно как никогда нуждалось в своей собственной истории. Исследования коммуникации в Соединенных Штатах Америки, выросшие из школ журналистики и департаментов ораторского искусства американских университетов, со второй Мировой войны и после нее страдало от своего не до конца узаконенного статуса. Данная статья прослеживает путь успешных и упорных попыток американского идеолога науки о коммуникациях Уилбура Шрамма, рассматривая, как он выстроил миф о происхождении науки, основывая ее на достижениях «четырех отцов» исследований коммуникации. Собрав воедино разрозненные истории и концепции, Шрамм создал единый, самодостаточный нарратив, определяющий новое научное поле и позволивший коммуникации закрепить за собой статус самостоятельной науки.

**Ключевые слова:** исследования коммуникаций, история коммуникаций, теория коммуникации, практика коммуникации, США

Моя позиция состоит в том, что в начале 1960-х гг. только недавно возникшее научное поле «коммуникации» ощутило внезапный приток ресурсов, которых так жаждали другие, более устоявшиеся научные дисциплины – гранты на исследования, студенты, ставки на факультетах – всего этого было в изобилии. Но одновременно с этим научное поле страдало от недостатка легитимности, и этот дефицит угрожал его материальным богатствам. Исследования коммуникации отчаянно боролись за то, чтобы доказать само свое существование – противопоставленные, как это часто бывает с новой дисциплиной, своего рода культурному пробелу. Их институциональный прирост и прибыли во много раз превзошли их статус. В серии весьма близких по содержанию работ, начиная с 1963 года, Шрамм представил четырех известных (и невольных) исследователя социальных наук из уже существующих дисциплин



## [Научные Статьи]

Пули Дж. Д.

*Уилбур Шрамм и история «Четырех Отцов-Основателей»  
научного поля исследований коммуникаций  
в Соединенных Штатах Америки*

– Пола Лазарсфельда (социология), Курта Левина (психология), Карла Ховланда (психология) и Гарольда Лассуэлла (политические науки) – и назвал их «основателями» научного поля коммуникации. Именно эта история «Четырех основателей» была потом перенята большинством монографий по массовой коммуникации, и эта история до сих пор остается одной из самых часто повторяемых, когда речь заходит о прошлом дисциплины. Шрамм довольно успешно использовал историю дисциплины для того, чтобы устранить пробел между институциональными успехами науки и ее низким статусом. В своей статье я хотел бы показать, как именно предпринимательский талант Уилбура Шрамма, которому обычно приписывают исключительно институциональные заслуги, на самом деле помог сформировать память нового научного поля – о самом научном поле.

### **История дисциплины**

Я бы хотел, в первую очередь, показать различия между тем, как использовал историю Уилбур Шрамм для построения своего мифа об истории дисциплины, и тремя другими типичными путями использования истории. Первый – это найти похороненное сокровище, т.е. обнаружить забытого исследователя или текст, чтобы внести новую лепту или стимулировать развитие современных подходов, вызвав этим действием соучастие. В рамках исследований коммуникаций в США лучшим образцом такого «похороненного сокровища» будет пример поздних изысканий Джеймса У. Кэрри, который в течение нескольких десятилетий вызволял Чикагскую Школу социологии из забвения (см. об этом Carey 1996). В конечном счете, он составил картину прошлого, которую можно было использовать для того, чтобы подтвердить его доводы в защиту популярной теории «эффектов».

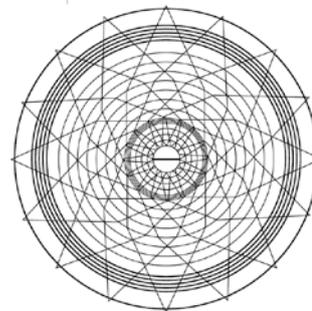
Второй возможный путь использования дисциплинарной истории – это путь демонстрации парагматического контраста – овеять славой свою работу как инновационную и научную через создание «пугала» научного предшественника. Лучшим примером этого использования можно считать историю, созданную Полом Лазарсфельдом и его коллегами по Бюро Социальных Исследований в Университете Колумбии. Исследователи бюро, как это зафиксировано в имевшем огромное влияние на последователей описании, предложенном в первой статье главной работы Элайи Катца и Пола Лазарсфельда «Личное влияние» (1955), представили работу своих довоенных предшественников как наивную, продиктованную чувствами, а самих предшественников как малоосведомленных любителей, которые ошибочно придерживались теории «укола» или «волшебной пули» влияния медиа (что само по себе являлось такой же конструкцией-«пугалом» – Pooley 2006). Эта устойчивая карикатура довоенного влияния была противопоставлена научной, методологически изощренной (и весьма убеждающей) теории «ограниченных эффектов» Бюро.

Третий способ использования дисциплинарной истории для текущих нужд – когда история становится оружием в текущих «битвах» между представителями

## [Научные Статьи]

Пули Дж. Д.

*Уилбур Шрамм и история «Четырех Отцов-Основателей»  
научного поля исследований коммуникаций  
в Соединенных Штатах Америки*



разных подходов и течений. Идея заключается в том, чтобы приписать оппонентам дискредитировавшее себя прошлое. Знаменитая статья Тодда Гитлина 1978 года «Медиа Социология: Доминантная Парадигма» на первый взгляд сосредоточена на Бюро Пола Лазарсфельда середины XX века. Довод Гитлина заключается в том, что исследователи из Колумбии предоставляли академическое освещение тем медиакомпаниям, которые спонсировали их проекты – через предоставление доказательств, что влияние медиа, к счастью, ничтожно мало. Но настоящей целью Гитлина были его современники, последователи теории «эффектов», а не социологи середины столетия.

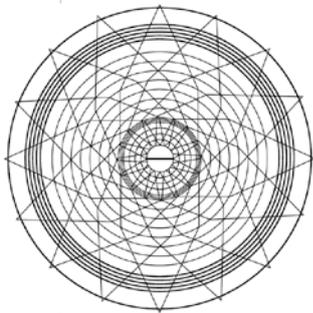
То, как писал историю Уилбур Шрамм, отличалось от этих трех способов использования истории – он следовал цели легитимации дисциплины. Для этого он позаимствовал легитимность высоко уважаемых, предшествующих самой дисциплине исследователей, которые имели в том числе краткосрочный интерес к коммуникации, а затем создал миф о «Четырех основателях» дисциплины.

Многие молодые научные дисциплины обращаются к такому виду истории. Так, например, Роберт Алун Джонс (1983) комментирует американскую социологию: «Социология, как и все только появившиеся научные дисциплины, сконструировала во многом мифологичное прошлое, которое выполняло такие важные функции, как легитимация существующих практик и усиление солидарности внутри сообщества исследователей» (Jones 1983: 121). Действительно, социология является наиболее близким примером к тому, что сделал Уилбур Шрамм. Как показал Чарльз Камик (1992), Талкотт Парсонс указал на четырех европейских мыслителей в своей классической книге «Структура социального действия»: этими мыслителями стали Эмиль Дюркгейм, Макс Вебер, Уинфредо Парето и Альфред Маршалл. Главной целью Парсонса, согласно Камик, был стратегический выбор предшественников: он позаимствовал их европейский высокий теоретический престиж, чтобы создать таким образом фундамент для молодой, пока еще «будущей дисциплины» социологии.

История «Четырех основателей» Уилбура Шрамма – то, как он изобрел эту традицию – во многом опирается на то, что историк антропологии Джордж Стокинг (1965) называет применительно к дисциплинарной истории подходом «первопроходцев» или «основателей». Стоит отметить, что это был неподдельно отважный акт мнемонической предприимчивости. В результате он положился на уже устоявшиеся социальные науки, чтобы потом вытеснить их. Шраммовский миф о происхождении дисциплины, как будет показано далее, имел свои последствия – и хорошие, и плохие.

### **История научного поля в США**

Чтобы дать описание ключевой роли Уилбура Шрамма в создании и укреплении нового научного поля в США, позволю себе кратко перечислить основные вехи институциональной истории. Самоопределившееся в американской науке поле «коммуникации» появилось в поздние 1930-е годы,



## [Научные Статьи]

Пули Дж. Д.

*Уилбур Шрамм и история «Четырех Отцов-Основателей»  
научного поля исследований коммуникаций  
в Соединенных Штатах Америки*

хотя, естественно, большое количество исследований медиа было проведено и ранее. Коммуникация к тому моменту уже была приоритетным тематическим фокусом нового междисциплинарного поля, исследований общественного мнения, которые в середине 1930-х годов сливались воедино с опросными и анкетными методами. Социологи, политологи, а также психологи, которые популяризировали изучение общественного мнения, были, в большинстве своем, не заинтересованы в вопросах медиа самих по себе. Тем не менее, Фонд Рокфеллера и его интерес к образовательному вещанию, одновременно с медиа, заинтересованными в изучении собственной аудитории, внесли свой вклад в значимость тем коммуникации (Buxton 1994).

Когда немецкие танки въехали в Польшу в 1939 году, «Коммуникационный Семинар» Фонда Рокфеллера, находящийся как раз на этапе реализации и включающий в себя ведущих исследователей сферы общественного мнения, переформулирует свою миссию, чтобы обратиться к международной военной обстановке и связанными с ней чрезвычайными ситуациями (Gary 1996). Как показал Дж. Майкл Спруле (Sproule, 1987), ярлык «коммуникации» как таковой стал тогда свежей альтернативой «исследованиям пропаганды» — понятие «пропаганда» было порицаемо в научной американской среде, а сама Америка нуждалась в терминологическом различии между «хорошим» и «плохим» видами.

Фонд Рокфеллера вскоре учредил сеть инициатив по исследованию коммуникаций, которые, после Перл Харбор, были включены в быстро разрастающуюся государственную бюрократию пропаганды. Последняя привлекала к своим проектам сотни исследователей социальных наук из десятков гражданских и военных агентств (Gary 1996). Исследователи общественного мнения, таким образом, сформировали ядро изучения пропаганды и боевого духа в военное время. Эти исследования, в свою очередь, вывели много других выдающихся ученых на свою орбиту (Converse 2009).

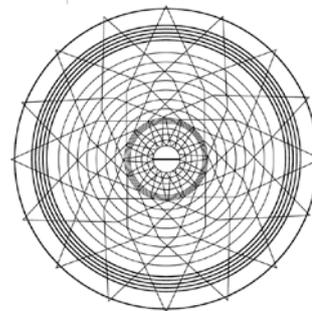
Темы коммуникации и методов социологического опроса появились во время войны в центре внимания количественных социальных наук, особенно в контексте социологии, но они также стали неотъемлемой частью других наук — политологии и психологии. В то время наблюдался осязаемый ажиотаж как вокруг методологических инноваций военного времени, так и вокруг самостоятельных исследований и находок. Последние происходили внутри сообщества недавно познакомившихся исследователей, которые вернулись в университеты в 1945 году. Существенно то, что те методы и находки были в результате связаны с опросными методами и стали часто упоминаться как «исследования коммуникаций».

Это было так даже несмотря на то, что немногие (если таковые вообще были) являлись непосредственно «исследователями коммуникаций». Наоборот, коммуникация была важной темой междисциплинарного исследования в Бюро прикладных социальных исследований Пола Лазарсфельда, в Центре проведения социологических опросов Мичигана, а также в других

## [Научные Статьи]

Пули Дж. Д.

*Уилбур Шрамм и история «Четырех Отцов-Основателей»  
научного поля исследований коммуникаций  
в Соединенных Штатах Америки*



многочисленных похожих друг на друга институтах по всей стране (Converse 2009). Более того, до какой-то степени «исследования коммуникации» были равнозначны социальной науке как таковой, считались ее эквивалентом. Такой подход может выглядеть слегка приукрашенным, однако огромное число ученых, работавших на тот момент в центре нового поля, вскоре ставшего известным как «бихевиористика», было связано с темами коммуникации.

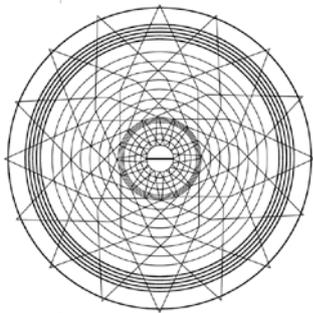
Исследование коммуникаций было, пожалуй, главным приоритетом располагающего солидным бюджетом, хотя и просуществовавшего недолго, Фонда Форда, чья инициатива дала название количественным социальным наукам в послевоенные годы — Программа Бихевиористской науки (1951-1957), возглавляемая соавтором Лазарсфельда Бернардом Берельсоном. Движение бихевиористики, само по себе, появилось в тандеме с «жандармским государством» периода Холодной войны. С падением Чехословакии в 1948 году, с «потерей» Китая годом позднее, а также со вспышкой Корейской враждебности незадолго после этих событий, федеральное управление — через государственный департамент США, Пентагон, через недавно созданное Центральное Разведывательное Управление, а также с помощью основных фондов — активно инвестировало средства в исследование психологических войн и их инструментов (Simpson 1994).

Начиная с 1948-го и до ранних 1950-х правительство США в сущности ремобилизовало сеть тех, кто занимался вопросами пропаганды и боевого духа в годы Второй Мировой войны. Еще одно направление исследований, иногда спонсируемых государством неофициально, захлестнуло бихевиоральные науки в середине 1950 гг. как часть новой, пост-колониальной кампании времен Холодной войны, целью которой было завоевать сердца и мысли жителей стран Третьего Мира.

### **Изменения в покровительстве**

Сама система социальных наук в ранние 1960-е, помимо других факторов, разорвала междисциплинарную сеть исследований коммуникации времен Холодной войны. Как показал Хантер Кроутер-Хейк (2006), ответ Спутнику в 1958 году запустил в движение новый режим финансирования, который на несколько последующих лет совпал с программами целой вереницы разных фондов, Государственного департамента США, а также поток военных денег, которые преобладали.

Начиная с поздних 1950-х гг. новая, куда более значимая роль была дана также гражданским федеральным агентствам, включая Национальный Научный Фонд США, и в частности для психологически ориентированных исследований коммуникации — Национальным Институтам психического здоровья. На практике, эти агентства придавали особенное значение дисциплинарной и экспертной оценке и обзору работ коллег. Старая система все еще опиралась на



## [Научные Статьи]

Пули Дж. Д.

*Уилбур Шрамм и история «Четырех Отцов-Основателей»  
научного поля исследований коммуникаций  
в Соединенных Штатах Америки*

более неформальные связи и таких осведомленных «посредников», как Лазарсфельд и Берельсон.

Об этом можно рассказать гораздо больше, но для целей настоящей статьи нужно подчеркнуть, что важным моментом того исторического периода было постепенное, но неуклонное затухание междисциплинарного подхода к исследованию коммуникаций. В результате, это исследовательское поле попало в энергичные руки Уилбура Шрамма.

### **Шрамм как строитель нового научного поля**

Шрамм, гениальный предприниматель из академической сферы, изначально выбравший своим научным интересом английский язык и литературу, осмыслил идею коммуникационной дисциплины на базе школ журналистики во время своей работы в Службе военной информации. В 1943 он покинул Вашингтон и вернулся в университет Айовы, получив подтверждение на должность декана школы журналистики. Существующие в те времена школы журналистики имели достаточно узкую академическую традицию, которая в основном освещала историю журналистики, анализ Первой Поправки и изучение читательской аудитории.

Видение Уилбура Шрамма было куда более амбициозным, и он преуспел в том, чтобы создать Ph.D. программу по исследованиям коммуникации в Айове, сконцентрировав ее вокруг количественных социальных наук. Он покинул Айову и перебрался в Университет Иллинойса в 1947 году в ответ на приглашение ректора университета, куратора, который поставил Уилбура Шрамма во главу нового и расширяющегося отделения коммуникаций. Шрамм быстро основал Институт Иллинойса по исследованиям коммуникаций, который был смоделирован по образцу Бюро Лазарсфельда (Chaffee & Rogers 1997a). И он с большим энтузиазмом работал над тем, чтобы возвести те подмости, в которых нуждается любое новое научное поле, включая конференции, хрестоматии и учебники, прошлое науки, которое можно доносить до студентов, а также преподавательские должности для соответствующих ученых.

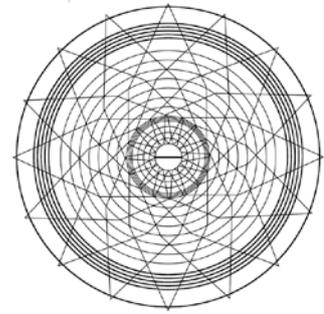
Хотя ревностная Холодная война влекла за собой настоящий дождь различных контрактов от Государственного департамента, военных и Центрального Разведывательного Управления, Шрамм все это время строил институциональный дом для нового междисциплинарного поля, которое к середине 1960-х годов потеряло всю эту поддержку. Он смог успешно переместить само поле в школы журналистики при университетах.

В своих захватнических попытках Шрамм был поддержан так называемыми «детьми Блайера» – так называли студентов позднего ученого из области журналистики Уилларда Блайера, который в годы между войнами помог включить социальные науки в расписание школ журналистики в университете Висконсина (Rogers & Chaffee 1994). В 1950 дети Блайера, такие как Ральф Кэйси, Ральф Нафцигер, Фред Сиберт и Чилтон Буш запустили докторские программы в

## [Научные Статьи]

Пули Дж. Д.

*Уилбур Шрамм и история «Четырех Отцов-Основателей»  
научного поля исследований коммуникаций  
в Соединенных Штатах Америки*



Миннесоте, Висконсине, штате Мичиган и, что особенно стоит отметить, в Стэнфорде. В 1960-х, а затем и в последующие годы, добавление "и Массовая Коммуникация" закрепилось за большинством названий школ журналистики, чтобы сформировать их новый научный имидж.

Шрамм и дети Блайера, если резюмировать, успешно колонизировали журналистское образование во имя «исследований коммуникации». Они преуспели в этом отчасти и потому, что сами школы журналистики, по крайней мере, до какой-то степени, хотели быть колонизированными, так как сталкивались с проблемами своей собственной законности в послевоенной университетской системе. И все же, такое массовое насаждение нового научного поля в уже существовавшую модель профессионального образования спровоцировало очень много протестов и несогласия со стороны так называемых «зеленых козырьков»<sup>1</sup>.

Другими словами, Шрамм смог установить свою дисциплину социальной науки, колонизируя вереницу профессиональных школ, которые поддались, отчасти во имя их собственной законности в послевоенных университетах. Несмотря на все институциональные успехи Уилбура Шрамма в 1950-е годы, само поле «коммуникации» практически не обладало интеллектуальной идентичностью / интеллектуальным самосознанием. Более того, куда более значимые послевоенные исследования медиа проводились повсеместно — и проводились исследователями, которые не использовали ярлык «коммуникации». В терминах Ричарда Уитли (1974), поле достигло необходимого уровня социальной институционализации до того, как достигнуть когнитивной устойчивости — совершенно противоположно типичной схеме.

Как средство решения проблемы, отсылка Шрамма к «четырем основателям» в 1963 году была сознательной попыткой предоставить научному полю собственное и принятое в исследовательской среде прошлое, а также предпосылки для формирования дисциплинарного самосознания.

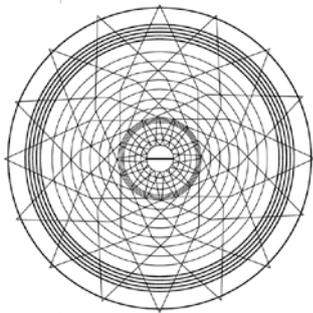
Но перед тем, как описать эту историю, позвольте мне сделать экскурс в 1959 год.

### **Насыщенный день Уилбура Шрамма**

Главная ирония заключается в том, что история Уилбура Шрамма про Четырех Основателей была выведена из эссе Бернарда Берельсона, написанного в 1959 году и провозглашавшего, что поле исследований коммуникации умерло. Берельсон, сначала студент библиотечного и информационного факультета, затем исследователь в команде Пола Лазарсфельда, затем главный «заклинатель дождя» социальной науки в Фонде Форда, был одним из тех, кто помог развить и популяризировать термин своего времени, «бихевиористскую науку». Он был главным и амбициозным

---

<sup>1</sup> См. об этом: [https://en.wikipedia.org/wiki/Green\\_eyeshade](https://en.wikipedia.org/wiki/Green_eyeshade)



## [Научные Статьи]

Пули Дж. Д.

*Уилбур Шрамм и история «Четырех Отцов-Основателей»  
научного поля исследований коммуникаций  
в Соединенных Штатах Америки*

проводником, которому удалось преобразить ценившуюся весьма невысоко библиотечную школу Университета Чикаго конца 1930-х годов в главенствующее подразделение Бихевиоральных наук Фонда Форда к началу 1950-х годов. В 1940 году он присоединился к Центру исследований радио Пола Лазарсфельда в Колумбии, где он стал соавтором основных книг, касающихся исследований выборного процесса — «Выбор народа» (1944) и «Голосование» (1954).

Панегирик науке о коммуникации, созданный Берельсоном в 1959 году, широко известен за его дурной нрав: «Что касается исследований коммуникации, моя точка зрения заключается в том, что это научное поле отмирает» (Berelson 1959: 1). В своей статье Берельсон подчеркивает четыре основных подхода к указанному им научному полю — и указывает те же имена, которые Уилбур Шрамм позже включит в список четырех отцов основателей науки о коммуникации: Гарольда Лассуэлла, Пола Лазарсфельда, Курта Левина и Карла Ховленда.

Однако Берельсон констатирует, что все четверо уже «изжили себя». Левин мертв; Лазарсфельд, Ховленд и Лассуэлл сменили свои интересы на новые темы. Не только их нововведения «износились», но и «никаких новых идей сравнимой величины и значимости не появилось, чтобы занять их место» (Berelson 1959: 4).

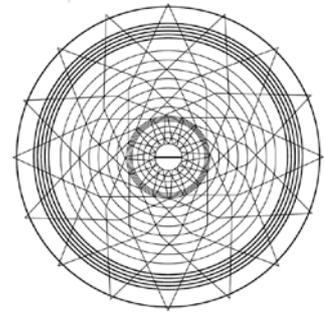
В своем ответе, опубликованном в том же номере "Public Opinion Quarterly", уязвленный таким мнением Уилбур Шрамм (1959) приводит детали своего собственного бурного дня в качестве доказательства, что исследовательское поле полно жизни. Он пишет, что только что вернулся с защиты докторских диссертаций (экзаменов на степень доктора наук), отобедал с парой профессоров, и отправляется присутствовать на семинаре с «учеными из восьми стран». Шрамм добавляет: «По дороге в мой кабинет, только что, я был задержан энергичным молодым исследователем, который хотел мне рассказать о новых находках, которые он обнаружил...» (Schramm 1959: 6-7).

Вместо «отмирания», о котором писал Берельсон, Шрамм предложил новую метафору исследований коммуникации как великих перекрестков, через которые «многие проходят, но немногие задерживаются» (Schramm 1959: 8). Мертвец, которого видел Берельсон, с точки зрения Уилбура Шрамма был полон жизни и сил. К 1959 году Шрамм работал на новое научное поле уже больше 15 лет и все это время он запускал и развивал Ph.D. программы по «массовой коммуникации», становящиеся все более и более успешными, в школах журналистики. Конференции, институты, хрестоматии с основополагающими текстами, докторские диссертации, симпозиумы: все это было сделано с целью институализировать новое научное поле. Шрамм и следовавшие за ним «хи-квадраты», как иногда называли исследователей социальных наук, колонизирующих школы журналистики, освоили количественную социальную психологию как часть бихевиористики, даже несмотря на то, что само по себе это междисциплинарное движение вскоре

## [Научные Статьи]

Пули Дж. Д.

*Уилбур Шрамм и история «Четырех Отцов-Основателей»  
научного поля исследований коммуникаций  
в Соединенных Штатах Америки*



затухло. Благодаря Уилбуру Шрамму и его союзникам, школы журналистики по всей стране начали присваивать своим департаментам название «Журналистика и Массовая коммуникация» и нашли в своих расписаниях место для безхозной до этого науки о коммуникации. Все это было следствием бурных и полных дел дней Уилбура Шрамма.

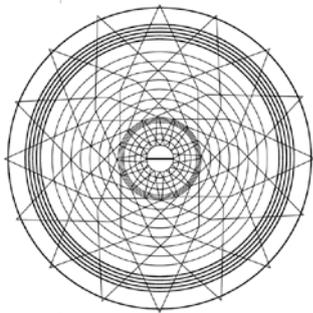
### **Четыре основателя**

Главной иронией этого обмена мнениями было то, что именно он стал источником для истории, которую начал рассказывать Уилбур Шрамм: он адаптировал конструкцию четырех отцов и сделал ее «мифом о происхождении» для вдохновлявшей его дисциплины, в продолжение истории о четырех основателях. В своем ответе Берельсону Шрамм писал: «Если я прочитал отчет следователя Берельсона внимательно, мы мертвы по сравнению с Лассуэллом, Лазарсфельдом, Левиным и Ховлендом. Это довольно грубый тест. Эти четверо были (и они до сих пор остаются, по крайней мере, трое из них) действительно выдающимися людьми». Он затем обратил глумливый тон Берельсона на него самого, высказав предположение, что реальной заслугой этих четырех светил было то, что они начали: «Они были не только великими создателями, они были также великими "начинателями". По факту, я думаю куда большая важность этих людей может быть не в том, что сделали они сами, но в том, чему они положили начало» (Schramm 1959: 7).

Шрамм замечает, что трое из тех, кого он (в тот раз — впервые) зовет «Отцами Основателями науки о коммуникации» еще живы, и добавляет, что это «неловко» - говорить о том, что последовало за ними. «Но по крайней мере мы можем сказать, что на дороге, проложенной ими, не все тихо», ссылаясь здесь в том числе на работу студентов великой четверки: «От отца основателя Левина до его ученика (Леона) Фестингера я не вижу никакого ослабления исследовательской прозорливости и остроумия» (Schramm 1959: 7).

Он также делает обзор — без какого-либо прямого упоминания своей роли в этом процессе — того, как исследования коммуникации оказывают «огромное влияние на обучение журналистике и другим предметам, связанным с массовой коммуникацией, в наших университетах, потому что именно эти исследования смогли стать тем мостом, который соединяет профессиональные и рыночные действия этих школ с древними и интеллектуальными сильными сторонами университетов» (Schramm 1959: 9).

Таким образом, Шрамм столкнулся с проблемой: он помог выстроить полное энергии научное поле, которое не было широко узаконено. И его гениальным решением этой проблемы стала мысль взять квартет исследователей, указанных Берельсоном, но свести на нет скептические замечания о том, что поле отмирает. Зацепкой за эту стратегию стала и страница посвящений к вышедшему в 1960 году второму изданию учебника по массовым коммуникациям: «Это



## [Научные Статьи]

Пули Дж. Д.

*Уилбур Шрамм и история «Четырех Отцов-Основателей»  
научного поля исследований коммуникаций  
в Соединенных Штатах Америки*

издание посвящено трем пионерам в исследовании массовых коммуникаций в контексте социальных наук»: Лазарсфельду, Лассуэллу и Ховленду (стр. 5).

Но полностью созревшая версия истории увидела свет через четыре года после дискуссии Шрамма и Берельсона.

В открывающем его коллекцию «Наука о человеческой коммуникации» 1963 года эссе Шрамм отдает лавры за решительное появление новой дисциплины четырем первопроходцам — он их называет «Отцами Основателями». Сам текст, однако, становится более смазанным с помощью употребления пассивного залога («Четыре исследователя обычно считаются "Отцами Основателями"...») - факт смелого творчества становится беспристрастным репортажем (Schramm 1963: 2).

Лазарсфельд, Левин, Ховленд и Лассуэлл теперь упомянуты как предвестники новой дисциплины исследований коммуникации. Если эти четыре гиганта оставили разные династии, после их границы стали почти незаметны: «Эти четыре линии влияния до сих пор прослеживаются в исследованиях коммуникации в США, но в последнее время они все больше сливаются друг с другом». Современные «практики», например, отдают предпочтения «количественным, нежели созерцательным» исследованиям, являвшимся наследием четырех основателей. Шрамм продолжает: «Молодые исследователи коммуникации теперь предпочитают быть эклектичными. Они сочетают интересы Ховленда и Левина, или методы Лазарсфельда с интересами Лассуэлла, или же образуют какие-то другие комбинации» (Schramm 1963: 5).

Это был прекрасный ход — указать на родоначальников, но настоять на том, что работа их последователей еще только началась.

### **Заключение**

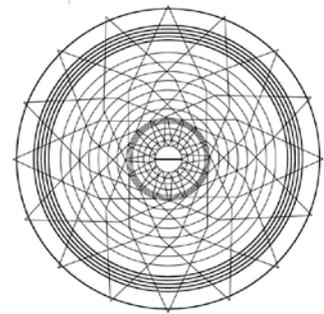
После упомянутой выше статьи Шрамм еще несколько раз повторил историю «Четырех Отцов Основателей» в серии последующих статей и книг. В своем эссе 1980 года «Начало исследований коммуникации в Соединенных Штатах Америки», например, он упомянул все четыре имени, но оценил их вклад в ключе состоятельности научного поля, которое он помог узаконить: «Эти четыре великих человека представляют собой одну из величайших глав в истории исследований коммуникации в США, но эта глава далеко не последняя. Точно также, как за пришельцами последовали поселенцы, так, начиная с конца 1940-х годов и в 1950-х, ученые начали создавать организации, в которых они могли бы посвятить свою карьеру исследованиям коммуникации, вместо того чтобы коротко погрузиться в какой-то аспект или проблему коммуникации, а затем вернуться к своему основному интересу» (Schramm 1980: 41).

В своей знаменитой статье для специального выпуска *Journal of Communication* "Ferment in the Field", Шрамм обращается к истории четырех отцов основателей уже в пассивном ключе, как отстраненный наблюдатель: эти четверо «обычно рассматриваются как "Отцы Основатели", и когда мы начинаем

## [Научные Статьи]

Пули Дж. Д.

*Уилбур Шрамм и история «Четырех Отцов-Основателей»  
научного поля исследований коммуникаций  
в Соединенных Штатах Америки*



перечислять факты истории нового научного поля, мы обычно начинаем с них» (Schramm 1983: 8). Они построили фундамент, но сама по себе новая дисциплина коммуникации — теперь уже устоявшаяся в рамках школ журналистики — все еще здесь, с ее собственными исследователями. «Даже Четверка Основателей, хотя они пребывали в исследовательском поле дольше и сделали больше, чем многие другие их современники, все еще ассоциируются с теми научными дисциплинами и культурами, из которых они вышли, и чьи стандарты они продолжили поддерживать в своей академической жизни». В своих посмертно опубликованных мемуарах Шрамм повторил историю четырех основателей еще раз, с тем же тематическим акцентом на то, что эти исследователи передали новое научное поле в руки школ журналистики.

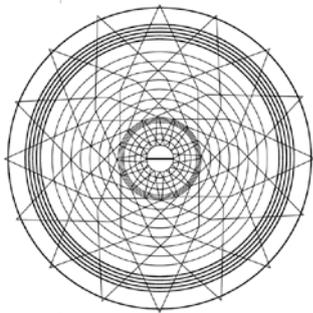
Внимательный читатель может проследить развитие мысли Уилбура Шрамма в ведущих текстах об исследовательском поле, как и в соперничающих с ними книгах, в дальнейших «обзорах литературы» и далее, с некоторыми изменениями по пути. Так или иначе, история о «четырёх основателях» и сейчас жива, и в некоторой степени, когда сейчас речь идет об истории научного поля, именно эта история зачастую получает ведущее положение.

Убежденно количественная и сконцентрированная на актуальных проблемах ориентация научного поля коммуникаций в эти годы — сама по себе частично продукт истории, которая без стеснения демонстрировала триумф измеримого эмпирицизма над юношескими домыслами — помогли обезопасить некритическое распространение истории до того момента, пока сама история не получила самоподтверждающую повсеместность.

История «четырёх отцов» окончательно укрепилась как шаблон в основополагающих текстах и стала восприниматься как общепринятое мнение, у которого нет автора. Условия, в которых эта история была создана, были давно забыты, и сама она стала фундаментом для краткого изложения истории научного поля почти в любой книге, посвященной массовым коммуникациям, на много лет после.

Потеря соединения дисциплины с ее собственной историей произошла, как ни иронично это признавать, из-за повсеместного принятия созданного Уилбуром Шраммом нарратива: практически не было носителей «конфликтующей памяти», которые могли бы задать вопросы о состоятельности этого нарратива. Таким образом, история стала тем соединяющим звеном для нового поля «исследований коммуникации», у которого были кирпичи, но не было цемента.

Удивительный постскрипtum заключается в том, что два выдающихся исследователя коммуникации, Эверетт Роджерс (E. Rogers) и Стивен Чаффи (S. Chaffee), подняли вопрос о том, что Уилбур Шрамм был чересчур скромно, когда создавал миф о «Четырех Основателях» и что реальным основателем являлся он сам — Уилбур Шрамм. История Роджерса и Чаффи пересказывает события и дает им другие оценки, в которых четыре основателя, Левин, Ховленд,



## [Научные Статьи]

Пули Дж. Д.

*Уилбур Шрамм и история «Четырех Отцов-Основателей»  
научного поля исследований коммуникаций  
в Соединенных Штатах Америки*

Лазарсфельд и Лассуэлл становятся «предвестниками» научного поля, в то время как звание основателя достается самому Уилбуру Шрамму.

В их предисловии к мемуарам Шрамма (Chaffee & Rogers 1997b) они вместе пишут: «Исследователи коммуникации сейчас могут спорить, кого именно называть в числе предков научного поля, но никто не будет сомневаться в том, что реальным его основателем был Уилбур Шрамм», добавляя, что он же был и «лучшим рассказчиком о новом научном поле» (Chaffee & Rogers 1997b: x-xi).

### БИБЛИОГРАФИЯ

Berelson, B. (1959). The state of communication research. *Public Opinion Quarterly*, 23(1), 1–6.

Buxton, W. J. (1994). The political economy of communications research. In R. E. Babe (Ed.), *Information and communication in economics* (pp. 147–175). Boston: Kluwer Academic Publishers.

Camic, C. (1992). Reputation and predecessor selection: Parsons and the institutionalists. *American Sociological Review*, 57(4), 421–445.

Carey, J. W. (1996). The Chicago School and mass communication research. In E. E. Dennis & E. Wartella (Eds.), *American communication research: The remembered history* (pp. 21–38). Mahwah, NJ: Erlbaum.

Chaffee, S. H., & Rogers, E. M. (1997a). Institutionalization of advanced communication study in American universities. In W. Schramm, *The beginnings of communication study in America: A personal memoir* (pp. 155–180). Thousand Oaks, CA: Sage.

Chaffee, S. H., & Rogers, E. M. (1997b). Editors' foreword. In W. Schramm, *The beginnings of communication study in America: A personal memoir* (pp. ix–xii). Thousand Oaks, CA: Sage.

Converse, J. (2009). *Survey research in the United States: Roots and emergence 1890–1960*. Piscataway, NJ: Transaction Publishers.

Crowther-Heyck, H. (2006). Patrons of the revolution: Ideals and institutions in postwar behavioral science. *Isis*, 97, 420–446.

Gary, B. (1996). Communication research, the Rockefeller Foundation, and mobilization for the war on words. *Journal of Communication*, 46(3), 124–147.

Gitlin, T. (1978). Media sociology: The dominant paradigm. *Theory and Society*, 6(2), 205–253.

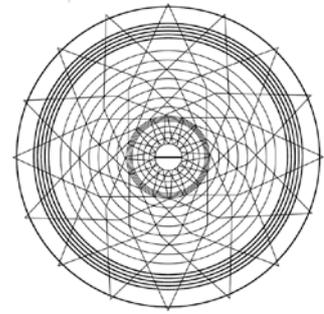
Jones, Robert Alun. "On Merton's 'History' and 'Systematics' of Sociological Theory." In L. Graham, W. Lepenies, & P. Weingart (Eds.), *Functions and uses of disciplinary histories* (pp. 121–142). Boston: D. Reidel, 1983.

Katz, E., & Lazarsfeld, P. F. (1955). *Personal influence: The part played by people in the flow of mass communications*. Glencoe, IL: Free Press.

## [Научные Статьи]

Пули Дж. Д.

*Уилбур Шрамм и история «Четырех Отцов-Основателей»  
научного поля исследований коммуникаций  
в Соединенных Штатах Америки*



Pooley, J. (2006). Fifteen pages that shook the field: Personal Influence, Edward Shils, and the remembered history of mass communication research. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 608(1), 130–156.

Rogers, E. M., & Chaffee, S. H. (1994). Communication and journalism from Daddy Bleyer to Wilbur Schramm: A palimpsest. *Journalism Monographs*, 148.

Schramm, W. (1959). The state of communication research: Comment. *Public Opinion Quarterly*, 23, 6–9.

Schramm, W. (1960). *Mass Communications* (2nd ed.). Urbana, IL: University of Illinois Press.

Schramm, W. (1963). Communication research in the United States. In W. Schramm (Ed.), *The science of human communication* (pp. 1–16). New York: Basic Books.

Schramm, W. (1997). *The beginnings of communication study in America: A personal memoir*. Thousand Oaks, CA: Sage.

Schramm, W. (1980). The beginnings of communication research in the United States. In D. Nimmo (Ed.), *Communication yearbook* (4) (pp. 73–82). New Brunswick, NJ: Transaction.

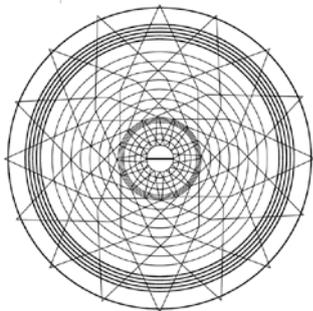
Schramm, W. (1983). The unique perspective of communication: A retrospective view. *Journal of Communication*, 33(3), 6–17.

Simpson, C. (1994). *Science of coercion: Communication research and psychological warfare, 1945–1960*. New York: Oxford University Press.

Sproule, J. M. (1987). Propaganda studies in American social science: The rise and fall of the critical paradigm. *Quarterly Journal of Speech*, 73, 60–78.

Stocking, G. W. (1965). On the limits of “presentism” and “historicism” in the historiography of the behavioral sciences. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 1(3), 211–218.

Whitley, R. (1974). Cognitive and social institutionalization of scientific specialties and research areas. In R. Whitley (Ed.), *Social processes of scientific development* (pp. 69–95). London: Routledge & Kegan Paul.



## [Научные Статьи]

Пули Дж. Д.

*Уилбур Шрамм и история «Четырех Отцов-Основателей»  
научного поля исследований коммуникаций  
в Соединенных Штатах Америки*

### WILBUR SCHRAMM AND THE “FOUR FOUNDERS” HISTORY OF U.S. COMMUNICATION RESEARCH

**Pooley J. D.**

Ph.D., associate professor, chair of media &  
communication, Muhlenberg College, Allentown, USA  
[jeffersonpooley@muhlenberg.edu](mailto:jeffersonpooley@muhlenberg.edu)

#### **Abstract:**

In its postwar institutional infancy, American mass communication research badly needed a history. Communication study in the United States, jerry-rigged from journalism schools and speech departments in the years following World War II, has from the beginning suffered from a legitimacy deficit. This talk traces Wilbur Schramm’s self-conscious and successful effort to supply such a history in the form of an origin myth, complete with four putative founders. He was, I contend, a mnemonic entrepreneur who took scraps of memory lying about in the postwar social scientific landscape and assembled these into a coherent (and self-validating) narrative for the would-be discipline.

*The original article was published at “Communications. Media. Design”, Issue 4, 2018.*

**Keywords:** history of communication studies, communication theory, communication practice, USA

#### **REFERENCES**

Berelson, B. (1959). The state of communication research. *Public Opinion Quarterly*, 23(1), 1–6.

Buxton, W. J. (1994). The political economy of communications research. In R. E. Babe (Ed.), *Information and communication in economics* (pp. 147–175). Boston: Kluwer Academic Publishers.

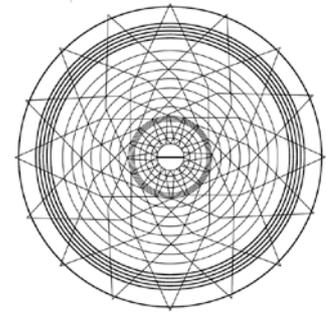
Camic, C. (1992). Reputation and predecessor selection: Parsons and the institutionalists. *American Sociological Review*, 57(4), 421–445.

Carey, J. W. (1996). The Chicago School and mass communication research. In E. E. Dennis & E. Wartella (Eds.), *American communication research: The remembered history* (pp. 21–38). Mahwah, NJ: Erlbaum.

## [Научные Статьи]

Пули Дж. Д.

*Уилбур Шрамм и история «Четырех Отцов-Основателей»  
научного поля исследований коммуникаций  
в Соединенных Штатах Америки*



Chaffee, S. H., & Rogers, E. M. (1997a). Institutionalization of advanced communication study in American universities. In W. Schramm, *The beginnings of communication study in America: A personal memoir* (pp. 155–180). Thousand Oaks, CA: Sage.

Chaffee, S. H., & Rogers, E. M. (1997b). Editors' foreword. In W. Schramm, *The beginnings of communication study in America: A personal memoir* (pp. ix–xii). Thousand Oaks, CA: Sage.

Converse, J. (2009). *Survey research in the United States: Roots and emergence 1890–1960*. Piscataway, NJ: Transaction Publishers.

Crowther-Heyck, H. (2006). Patrons of the revolution: Ideals and institutions in postwar behavioral science. *Isis*, 97, 420–446.

Gary, B. (1996). Communication research, the Rockefeller Foundation, and mobilization for the war on words. *Journal of Communication*, 46(3), 124–147.

Gitlin, T. (1978). Media sociology: The dominant paradigm. *Theory and Society*, 6(2), 205–253.

Jones, Robert Alun. "On Merton's 'History' and 'Systematics' of Sociological Theory." In L. Graham, W. LePenies, & P. Weingart (Eds.), *Functions and uses of disciplinary histories* (pp. 121–142). Boston: D. Reidel, 1983.

Katz, E., & Lazarsfeld, P. F. (1955). *Personal influence: The part played by people in the flow of mass communications*. Glencoe, IL: Free Press.

Pooley, J. (2006). Fifteen pages that shook the field: Personal Influence, Edward Shils, and the remembered history of mass communication research. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 608(1), 130–156.

Rogers, E. M., & Chaffee, S. H. (1994). Communication and journalism from Daddy Bleyer to Wilbur Schramm: A palimpsest. *Journalism Monographs*, 148.

Schramm, W. (1959). The state of communication research: Comment. *Public Opinion Quarterly*, 23, 6–9.

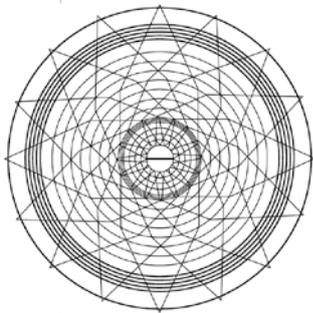
Schramm, W. (1960). *Mass Communications* (2nd ed.). Urbana, IL: University of Illinois Press.

Schramm, W. (1963). Communication research in the United States. In W. Schramm (Ed.), *The science of human communication* (pp. 1–16). New York: Basic Books.

Schramm, W. (1997). *The beginnings of communication study in America: A personal memoir*. Thousand Oaks, CA: Sage.

Schramm, W. (1980). The beginnings of communication research in the United States. In D. Nimmo (Ed.), *Communication yearbook* (4) (pp. 73–82). New Brunswick, NJ: Transaction.

Schramm, W. (1983). The unique perspective of communication: A retrospective view. *Journal of Communication*, 33(3), 6–17.



## [Научные Статьи]

Пули Дж. Д.

*Уилбур Шрамм и история «Четырех Отцов-Основателей»  
научного поля исследований коммуникаций  
в Соединенных Штатах Америки*

Simpson, C. (1994). Science of coercion: Communication research and psychological warfare, 1945–1960. New York: Oxford University Press.

Sproule, J. M. (1987). Propaganda studies in American social science: The rise and fall of the critical paradigm. *Quarterly Journal of Speech*, 73, 60–78.

Stocking, G. W. (1965). On the limits of “presentism” and “historicism” in the historiography of the behavioral sciences. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 1(3), 211–218.

Whitley, R. (1974). Cognitive and social institutionalization of scientific specialties and research areas. In R. Whitley (Ed.), *Social processes of scientific development* (pp. 69–95). London: Routledge & Kegan Paul.